

Полина Граф

КНИГА 1

ЭКВИЛИБРИС

Полина Граф

Эквилибрис

КНИГА 1

МОНСТРУМ

POPCORN BOOKS

Москва

ОГЛАВЛЕНИЕ

Законы Вселенной

Часть I ЗАГЛЯНИ В МОЮ ДУШУ

Глава I Красное пламя

Глава II Наш долг — хранить память

Глава III Мертвый для Света

Глава IV На самом дне

Глава V Общими силами

Глава VI Откуда следует начать

Глава VII Протекторы и кандидаты

Глава VIII Чужая кровь

Глава IX Их след в глубинах отражений

Глава X Ты не понимаешь

Часть II ПРИМИ МОЙ СВЕТ

Глава XI Опаленный

Глава XII Назад дороги нет

Глава XIII Ошибки прошлого, беды грядущего

Глава XIV Главное — душа

Глава XV Безответное былое

Глава XVI Огни Аргентиона

Глава XVII Все, что тебе осталось

Глава XVIII Дорогами памяти

Глава XIX Малые шансы

Глава XX Игра в секреты

Часть III ПРОВЕДИ МЕНЯ ЧЕРЕЗ ТЬМУ

Глава XXI Как быть вами

Глава XXII Я все исправлю

Глава XXIII Каждый отвечает за себя

Глава XXIV Лица во мраке

Глава XXV Плата за истину

Глава XXVI Не время умирать

Глава XXVII У всего своя цена

Глава XXVIII Ломая грани

Глава XXIX Прошлое позади нас

Глава XXX Я принимаю смерть

Глава XXXI Переменные наших путей

Глава XXXII Ведомые общими целями

Благодарности

ЗАКОНЫ ВСЕЛЕННОЙ

- I. Вселенная — часть тебя, а ты — часть ее.
- II. Сохраняй Эквilibрис. В первую очередь в себе.
- III. Сила — в памяти.
- IV. Нет ничего ценнее души.
- V. Ничто не возникает из пустоты, и ничто не становится пустотой.
- VI. Любое деяние имеет последствие.
- VII. Манипулируй Вселенной, но отдавай ей равное взамен.
- VIII. Вечность никому не дает лишнего времени.
- IX. У Вселенной на каждого имеется план. Судьбу не обмануть.
- X. Константа — в переменах. Все должно меняться.
- XI. Губя чужие души, наносишь вред своей.
- XII. Бессмертия нет, каждый отправится по дальнейшему пути.
- XIII. Познавай себя через Вселенную, а Вселенную через себя.

...Существует легенда, пришедшая из самой древности эпох и Гenezисов. Она гласит, что Вселенная родилась из Мысли.

Мысли, разверзшей вечный Обливион, устремившей струны Тьмы и Света в бесконечность.

Тогда, на заре пространства-времени, хаоса материи и гула близкого нового мира, произошло три взрыва. Никто не знает, что творилось между ними. Благодаря взрывам Вселенная стала такой, какой мы ее видим и знаем в каждом отрезке временного горизонта.

Но в самом начале была лишь Мысль.

Та самая, которую мы утратили.

Согласно легенде, она растворилась и стала ничем. Ведь Обливион поглотил ее первой.

Все родилось из Мысли...

Атлас горизонтов

* Да будет свет! (лат.)

Иногда я открываю глаза и пытаюсь вспомнить, каково это — спать и видеть сны. Или же вспоминаю о реальности. Кажется, я утратил оба состояния в этом месте. Есть только падение, бесконечное и тягостное. В пустоте.

В ней я вижу свою жизнь: мертвую звезду, что забыла собственный мир, а также темного, создавшего себя из страха. Я общался с рожденными за небесами — порой такими же простыми и порочными, как люди. Сталкивался со злом и добром — столь разным и столь похожим. Проходил сквозь души: необозримо огромные, невообразимо хрупкие. Я воевал против Тьмы, но вглядывался в нечто намного страшнее и хуже, а оно смотрело на меня в ответ тысячей кричащих глаз.

Я слышу тебя, чувствую. Вряд ли ты существуешь, очередной плод моего воображения. Но выбирать спутников здесь не приходится. Главное, что ты как раз вовремя — думаю, это последний раз, на большее меня вряд ли хватит. Пора уходить. Восстановлю все в памяти как можно подробнее — ради тебя.

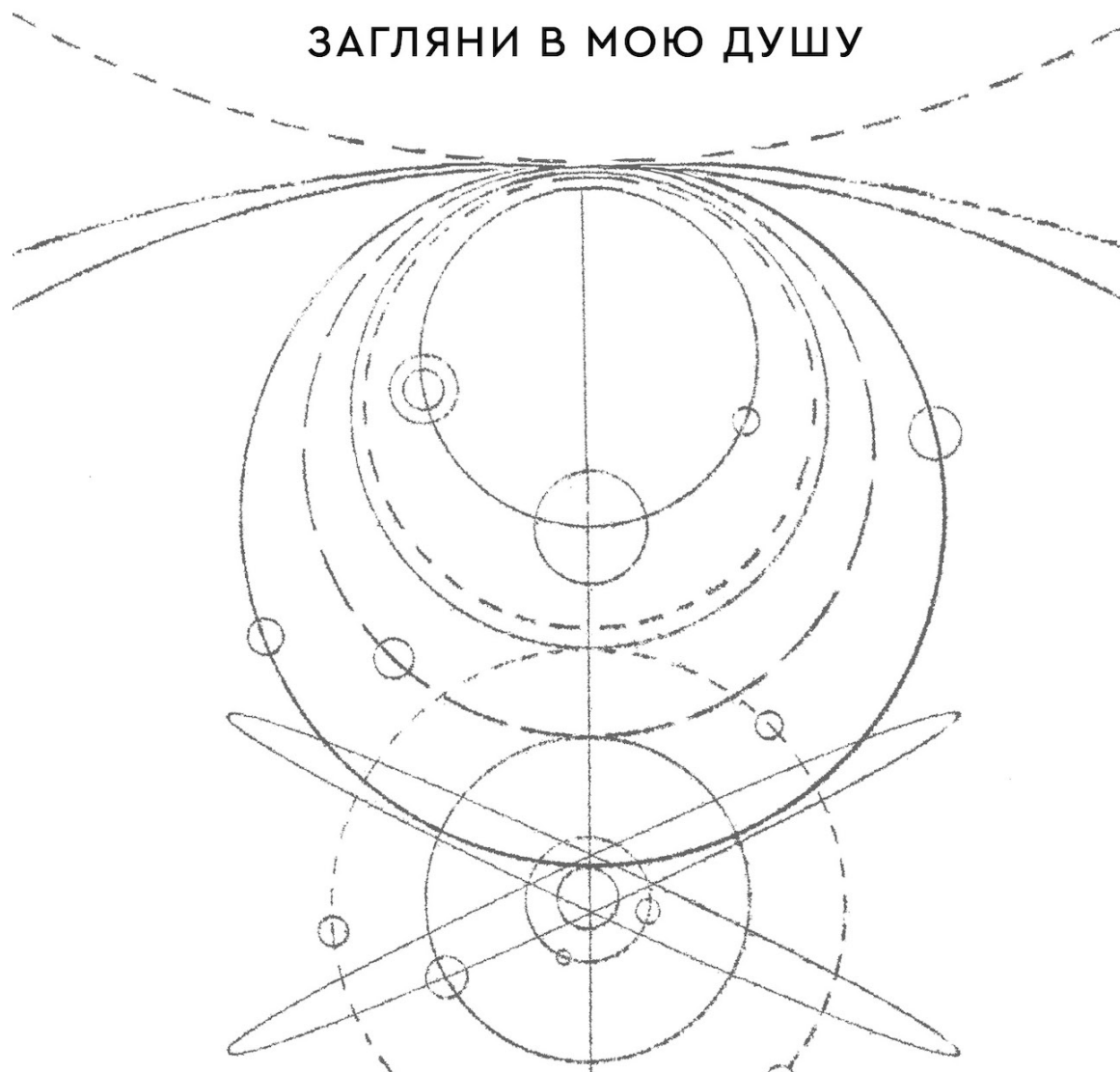
Если ты готов — внимай. Я расскажу тебе о событиях, свидетелем которых был, о душах столь сильных, что они, казалось, сияли ярче Солнца. О Бесконечной войне, что забрала каждого из нас еще до рождения. Расскажу о Вселенной, познающей себя через тебя и меня.

Ничего больше не осталось — только мои воспоминания и ты.

До холодных мрачных вод. В последний раз.
Падай вместе со мной...

ЧАСТЬ I

ЗАГЛЯНИ В МОЮ ДУШУ

ГЛАВА I

КРАСНОЕ ПЛАМЯ

Свет...

Я так давно его не видел... я...

Передо мной предстала ночь, потом — грязный проулок и ржавые мусорные баки. Вот что я увидел, как только очнулся, лежа на холодном сыром асфальте. В груди страшно жгло огнем, суставы ломило. Кровь отбойным молотком долбила в ушах, а затылок болел настолько, что голова закружилась от одной лишь попытки подняться. Темнота манила, пыталась вновь завлечь меня в беспамятство, но я переборол себя. Со стоном цепляясь за стену, встал на нетвердые ноги. Меня стошнило. На языке остался мерзкий привкус гниения.

Я поковылял в сторону освещенной фонарями дороги. Там никого не было, ни людей, ни машин, даже в окнах домов редко горел свет. На чистом небосводе прожектором повисла луна. Минут пять я просто стоял, пытаюсь собраться с мыслями, а затем зашелся в кашле из-за неутихающей боли в груди. Когда взгляд упал на руки, сердце замерло от ужаса. Они были покрыты

слоем черной слизи, отдававшей гнильцой. Как в полусне я стал осматривать себя. Чернь была повсюду: на синем мундире, брюках, сапогах, даже под рубашкой. Но ни одно толковое воспоминание не выходило на свет. Лишь обрывки.

— Вы протектор?

Я испуганно обернулся и увидел мужчину и девушку, к рабочим поясам которых крепилось оружие из мерцающего серебра.

— Кто? — хрипло переспросил я.

Двое подошли ближе. Они носили серо-синие форменные куртки. Подозрение застыло на их лицах, когда им удалось меня рассмотреть.

— С вами все в порядке? — осторожно поинтересовалась девушка.

— Я... я не...

— Соларум зафиксировал проявление Тьмы, — сказал мужчина. — Вы так быстро устранили опасность?

Я не нашел что ответить. Вместо этого продолжил вглядываться в покрытые чернотой руки, стараясь сохранять равновесие.

Девушка с опасением подалась вперед.

— Как вас зовут?

Мой взгляд задержался на ней. Все начало темнеть, мысли спотыкались друг об друга. В груди заболело сильнее, и откуда-то из глубины прорезался красный свет. Казалось, его видел я один. Этот свет был *внутри* меня. И я понимал это гораздо отчетливее, чем ответ на самый простой вопрос.

— Я не знаю.

Кто я?

Мы миновали несколько малолюдных улиц. Мне помогали идти, и я смутно различал дорогу.

Где я?

Мы вошли в неказистый двухэтажный дом, и, пока мужчина с кем-то говорил, девушка повела меня вверх по скрипучей лестнице.

Почему я здесь?

— Что же с тобой приключилось? — отстраненно произнесла незнакомка, когда я едва не оступился. Она посмотрела на прикрепленные к моей форме пустые погоны. — И знака еще нет. Как ты оказался один? Новеньких же не пускают на зачистку.

Что произошло?

В конце мрачного коридора — дверь, по центру — четырехконечная звезда Света в окружении созвездий. Ручек не было, да они и не требовались. Девушка приложила мою ладонь к звезде. Я успел заглянуть в ее душу. То была высокая стена, увитая виноградными лозами. Теплый ветер принес с собой запах имбиря и свежей выпечки, отчего мне захотелось раствориться в этом месте.

Красный огонь. Он повсюду. Я сгораю в нем.

Дверь бесшумно отворилась. Впереди простиралась идеально круглая зала, пол которой был выстлан зеркально-черным камнем. В нем, точно в водной глади, отражался потолок — стеклянный купол, за которым темнело бескрайнее ночное небо, где звезды сияли так

ярко, будто стали ближе к нам. Показались чьи-то фигуры, но к тому моменту я уже почти не соображал и не смог их различить.

Кем мне теперь быть?

Темные волны погребали меня под собой, лишь изредка позволяя взглянуть на реальный мир.

Люди в синей форме куда-то меня несли. На поясах у них висело оружие.

— Просто дайте мне поговорить с ним! — Голос на грани истерики. До меня он долетал словно из другой галактики. — Пожалуйста! Я его наставник, вы должны мне позволить! Случившееся наверняка можно объяснить, это какая-то...

— Фри, все решится на суде, — строго перебил другой. — К этому выродку опасно приближаться, а тебя вообще приказано держать от него подальше.

Фри... Это имя было мне знакомо. В памяти всплыл смех и черты носившей его. Я помнил глупые шутки, самоуверенность, то, как она приходила ко мне в Архив с пачкой орехового печенья, чтобы докучать одготипными насмешками.

— Не называй его так! — разозлилась она. — И кто приказал? Паскаль?! С ним во главе это не суд, а трибунал!

— Убирайся!

Черная волна обрушилась мне на голову. На самом дне ревело красное пламя. Оно затягивало, старалось

поглотить. Я отчаянно сопротивлялся, но огонь подобрался вплотную.

— Поднимите его.

В голове неожиданно прояснилось.

Длинный коридор, где серокаменные стены покрывала резьба, а под сводчатым потолком вместо люстр в окружении плавающих осколков стекла витали небольшие шары света. Два человека в темно-синей форме крепко держали меня под руки. Запястья оказались скованы наручниками, состоящими из света.

Я впервые трезво оценивал происходящее с тех пор, как очнулся в подворотне. Мундира на мне не было, как и рабочего пояса. Всю черную гниль с одежды выжгли.

— Что... — вырвалось у меня. — Что произошло?..

— Проверьте защиту, — раздался строгий голос.

Мой взгляд устремился к увесистому мечу из мерцающего серебра, а уж потом перешел к самой протекторше. Каждый ее шаг отдавал стальной уверенностью. Слегка вздернутый нос, коралловые губы сомкнуты тонкой линией. пышные рыжие волосы стрижены диким каскадом и заплетены в косу. Большие каре-зеленые глаза. Правый пересекает узкий бледный шрам, разрубающий бровь и доходящий до середины щеки, где поперек наслаивается еще один, совсем небольшой. В зрачках нет блеска. Свет тонет в их строгой бархатистости.

— Сара... — с трепетом выдохнул я.

Она задержала на мне пустой, но пробирающий до самых костей взгляд и двинулась вперед по коридору, расправив плечи в идеальной осанке.

Я оглядел других протекторов, которых не узнавал. Может, мне и доводилось пересекаться с ними раньше, но сейчас они были готовы всадить мне в грудь клинок или пару пуль. Сильнейшие чувства вырывались из их душ, и страха там почти не было, только гнев.

Я был на охоте. Мальчик-сплит. А затем...

Пустота.

И чем больше я пытался вспомнить, тем страшнее эта бездна становилась. Что происходило неделю назад? Месяц? Сплошные обрывки.

По спине пробежали мурашки. Сердце загрохотало. Я мысленно собрал всю важную информацию.

Я — протектор. Новичок. Без знака. Мне почти девятнадцать. Или больше? Меньше?.. Сейчас конец ноября...

Они потащили меня вперед.

— Нет, погодите! Что все это значит?! Я же...

— Заткни пасть, — грозно прикрикнул протектор.

— Что происходит?!

— Тебя будут судить за совершенные преступления, — с внезапной холодностью заявила Сара. — Предательство Света — страшнейшее из всех. И ты spolна за него ответишь.

Слова раскаленным ножом впились мне в грудь. Я не поверил своим ушам.

— Какие преступления? Что я сделал?

Но Сара больше не отвечала. Меня поглотил бесконечный страх. Перед будущим или прошлым — я не знал. Все было подернуто мраком.

ГЛАВА II

НАШ ДОЛГ – ХРАНИТЬ ПАМЯТЬ

Несмотря на все свое величие, Архив часто пустовал. Если затаить дыхание, то было слышно потрескивание маленького солнца под далеким потолком, скрип огромных тяжелых дуг армиллярной сферы, вращающейся в центре зала. Казалось, шуршание книжных страниц тоже откуда-то раздавалось, а может, то был лишь сквозняк меж шкафов и витрин. Целые стеллажи томов и стеклянных инфор тянулись на много уровней вверх, к монументальным каменным сводам и карте созвездий на черном потолке.

Кто знает, сколько поколений протекторов наблюдали этот вид. Сколько из них проходили по этим массивным лестницам? Многие заглядывались на настенные фрески — их трудно не заметить. Запечатленные образы и мотивы были памятны до сих пор. Протекторы никогда не участвовали в реальных битвах и столкновениях между Тьмой и Светом, что разверзлись по ту сторону небес. Человеческая война имела меньший масштаб и меньших врагов. Но память о ключевых моментах истории Вселенной

и Бесконечной войны была увековечена не только на страницах книг, но и на стенах Соларума. Верховные Тьмы и Света, битвы и губительные решения. Эра Зарождения, эра Рабства, эра Странствий... Миллиарды лет хроники, или миллионы Генезисов, если говорить понятиями заоблачников. Историй, что никогда не кончаются, продолжаясь одна в другой.

Но Стефан пришел в Архив не ради них. Юноша сидел на обшарпанной лестнице, делая наброски колонн, закрученных спиралью. Стеф подозревал, что нужно было не прятаться от остальных в пустом Архиве, а сразу валить на Землю. Но он так долго шатался по заданиям и так зверски устал, что решил рискнуть и положиться на удачу.

Которая, кстати, себя не оправдала, потому как по Архиву разнесся звук быстрых шагов, после чего внизу, рядом с армиллярной сферой, возник человек. Он, точно орел, без всякого труда взглядом выцепил Стефа за толстыми перилами.

— Дерьмо... — проворчал Стефан, поняв, что тихо уползать за какой-нибудь шкаф уже бессмысленно.

— Ко мне. Живо.

Сказав это, Паскаль удалился так же стремительно, как и появился.

Прошло не меньше сорока минут, прежде чем его приказ был исполнен.

Стефан ненавидел бывать здесь — в этом нелепом большом кабинете Смотрителя, полном стекла и световых проекций. Дощатый пол был протерт до светлых пятен, на видном месте красовался обширный

выжженный круг, который даже ковер был не в силах закрыть полностью (юноша понятия не имел, как возник этот круг, возгорание случилось до его появления в Соларуме). Все серое, сухое, с налетом древности и смирения с судьбой. Сейчас, когда всем управлял Скорпион, комната смотрелась по-армейски вычищенной и безликой. Даже все запахи исчезли. Раньше в углу находилась световая статуя Верховной, замерший взгляд которой сверлил голову до самого мозга. Игра в гляделки с этой грозной и тонкой женщиной всегда казалась самым веселым из происходящего в комнате. Но сейчас Верховной на своем месте не нашлось. Над постаментом кружились бледные искры. Они слегка освещали Паскаля Фавро, сидящего за своим огромным рабочим столом. На улице была ночь, лампы щедро озаряли помещение, но вот вокруг Смотрителя точно сформировалась своя локальная тень. Пока Стефан сидел и ждал, собеседник что-то бодро записывал на стеклянную поверхность энегласса. Лицо у Паскаля было напряжено, как и обычно, точно он страдал несварением или изжогой. Сразу за его спиной располагалось витражное окно — единственное, что не отталкивало Стефана в кабинете Смотрителя. Изящно сделанное, яркое, сияющее. Внутри него, вокруг звезд, по линии кружились двенадцать главных созвездий, тринадцатое — нынешний Смотритель — сдвинулось в центр.

Стеф не переставал благодарить Вселенную, что Скорпиону давалась всего неделя. Начальник из него был крайне неприятный; он вечно всех понукал,

заставлял работать сверх меры, выявлял любые нарушения. И провинившиеся огребали, порой очень сильно.

Попытавшись закурить, Стеф наткнулся на первый знак внимания.

— Нет, — сухо выдал Паскаль, не отвлекаясь от писанины.

Стефан покривился, убирая пачку сигарет. Он нарочито громко вздохнул и, сидя напротив Смотрителя, закинул ноги на угол стола.

— Убери.

— Давай ты уже скажешь, чего от меня хочешь, — устало предложил Стеф. — И тогда тебе не будет видно моих грязных сапог, а мне — тебя.

Скорпион еле заметно поморщился. Шрам на левой стороне лица привычно исказился, как и всякий раз, когда Паскаль начинал выходить из себя.

— Тебя не было на поминальной службе, — строго сказал он, поднимая глаза.

Стеф развел руками, снимая со стола ноги.

— Будем честными: меня не приглашали.

— Присутствие каждого было обязательным, ты знал это.

Паскаль тяжело откинулся на спинку кресла, сцепив руки замком. Он был молод, хоть и постарше Стефа. Скорпион постоянно хмурил густые светлые брови, отчего впалые глаза, казалось, всегда находились в тени. На широком лбу уже залегли морщины. Стефан не мог не признать, что новая должность этому индюку шла — прямая осанка, уверенный вид, взгляд

пронзительный и надменный, такой, словно ты ему должен все до последнего гроша. Смотритель долго оглядывал Стефа, и в этом читалась явная неприязнь, к слову, взаимная.

— Это просто дань уважения и памяти, — отмахнулся Стефан. — Настоящие похороны проходят за хрен знает сколько тысяч... миллионов миль отсюда. Это не мое дело.

— Это *наше* дело! — подчеркнул Паскаль. — Мы должны хранить память о ней. Это наш долг. Мы обязаны помнить все, каждое мгновение наших жизней, чтобы стать сильнее. Ты знаешь, насколько важным было это событие и что оно для нас теперь значит.

Оба, не сговариваясь, кротко глянули на место, где раньше стояла статуя Верховной. Все-таки без нее в кабинете стало мрачнее.

Похоронные церемонии — самое унылое и бесполезное мероприятие из всех возможных. Стеф не пришел на само действие, но стоял возле открытых ворот Усыпальницы, его бледное лицо пеплом покрывал теплый золотистый свет бесчисленного множества свечей. Он не заходил. Не хотел проходить это огромное расстояние, чтобы добраться до центра исполинского зала, примкнуть к люмен-протекторам и отдать последнюю дань памяти.

— Она не являлась частью моей жизни, как и твоей, — едко отметил Стеф. — Если хочешь наказать меня за то, что я неуважительно отношусь к далеким управленцам, которые плевать на меня хотели, то валяй.

— Ладно, — слишком уж непринужденно вздохнул Скорпион и подался вперед, обращаясь к своему энерглассу. — Это мы опустим. К счастью, у нас есть более важные вопросы для обсуждения.

Из стекла вырвалась световая проекция. Стефан недовольно поморщился. Очередной чертов график.

— Так, посмотрим. — Паскаль начал пролистывать пункты с самым вдумчивым видом. — Ноябрь, декабрь, январь... Аха. — Он остановился и ткнул пальцем в дату. — Большой пропуск рабочего времени.

— Я брал отпуск.

— Ты брал его на неделю в первой половине февраля, а вернулся в середине марта. — Паскаль перевел на Стефа взгляд, тяжелый, как пара фур гранита. — Более того, ты пропустил свой срок Водолея как Смотрителя, который ложится на февральские и мартовские дни. Ты ушел от важной работы. И не только! За последние двенадцать лет после того знаменитого случая с падшими ты десять раз пропускал свой срок частично или полностью. По здоровью или из-за отпуска. Ты так боишься ответственности?

— Я никого не просил делать меня одним из Тринадцати, — огрызнулся Стефан. — Да и какая хренова разница? Никто меня все равно не слу...

— Ты должен был разбираться с делами, а не сбрасывать работу на других, ухудшая таким образом свое положение среди протекторов, которое и без того на самом дне. Змееносец долго отмазывал тебя от пропуска должности, — сухо заметил он. — Иногда даже сам подменял. Коул слишком лояльно к тебе относится.

Он давал тебе только сверхурочные задания, а не реальные наказания за столь серьезные проступки.

«Мерзкий ублюдок».

Пока Стеф зло постукивал ногой по полу, Скорпион спокойно открыл новые документы, сплошь помеченные красным.

— У тебя, оказывается, и по делам с вычищением Тьмы накопились огромные долги, — заявил Паскаль, указывая на красные пробелы в отчетах. — И все словно отпустили эту проблему. Мне думается, что остальным Смотрителям настолько до тебя нет дела, что они просто предпочли не вникать. Да и ты этим, видно, пользовался. Коул — твой последний друг среди протекторов, не знаю, зачем ему эти проблемы. Все были удивлены его мягкости в отношении тебя после твоего прокола, так что я не удивляюсь, что Змееносец и остальные грешки тебе помогает подтирать. Возможно, я бы и мог закрыть глаза на твое отлынивание от должности Смотрителя, но охота на Тьму...

«Начинается...»

— Мы должны искоренять ее, — с легкой угрозой произнес Паскаль. Он помрачнел. — Чего бы нам это ни стоило. И все это делают. Но ты считаешь себя особенным? Ты не понимаешь, что стоит нам дать слабину, и они уничтожат все?

Стефан уже слышал от него подобное миллион раз. Речи Скорпиона не отличались разнообразием. Будь то обычный сплит или могущественный дэлэр — какая

разница? Главное уничтожать все темное, каким бы опасным и смертоносным оно ни было.

— И неужели думаешь, что ты такой незаменимый? — вдруг сказал Паскаль. — Незаменимых здесь нет. Уйдешь ты — на место Водолея придет другой. Если ты боишься уйти на поле боя, то тебе вполне могут обеспечить такую услугу в Соларуме.

До Стефа смысл сказанного дошел не сразу.

— Заткни пасть, — прорычал он, вставая. — Ты на что намекаешь?!

— Я только говорю о том, что нам не нужны те, кто не выполняет своего долга.

И тут он сам решил подняться. Паскаль был слегка выше Стефа и угрожающе оттенял его. Всякий бы мог стусеваться перед этим видом и его холодным, вдавливающим в пол взглядом, но не Стефан.

— Я и представить не могу, сколько людей погибло из-за твоей лени, — прошипел Скорпион, только сейчас обнажив свою злобу. От Стефа не укрылось, как тот яростно сжал кулаки. — Сколько душ лишились Света за эти годы! Но хуже всего то, что тебе даже не стыдно. Тебя никогда и не наказывали должным образом.

— И ты решил исполнить должность палача в этом деле?

— Не забывайся, Стефан, Мясником здесь называют тебя.

Внутри Стефа словно полыхнул фитиль. Ему нет дела до этой борьбы, нет дела до протекторов. Но Паскаль перегнул палку. Тот оставался непоколебимым, Стефа же бил жар ненависти. Если бы не разделяющий их

стол, то, скорее всего, он бы врезал Смотрителю по стальной роже.

«Почему они не могут просто оставить меня в покое?!» — думал он.

— Знаешь, Стефан, в Соларуме смертную казнь назначали и за меньшее. Но когда-то ты был образцовым протектором, примером для многих. — В словах Паскаля звучала явная досада, точно Стеф его разочаровал. — Ты до сих пор один из лучших манипуляторов. У тебя огромный потенциал.

— Тебе-то что?

— Ты разлагаешься морально, это твое дело. Но ты не выполняешь работу, и от этого страдают приземленные, а это уже мое дело.

Тут он отвернулся и стал смотреть в витражное окно, в прозрачных стеклышках которого виднелся синий лес Соларума.

— Мы, люмен-протекторы, уже тысячи лет являемся оплотом между людскими душами и темными монстрами. Так постановили звезды, потому мы обязаны нести этот крест на себе, ведь больше некому.

— Спасибо за урок истории, — буркнул Стефан в сторону.

— Я просто дам тебе мотивацию. До конца моего правления осталось немного. И если ты не выполнишь мое задание, я отниму у тебя восемь лет. Навсегда.

Стеф вздрогнул.

— Восемь? — поразился он.

— Скажи еще, что это слишком сильная мера, — хмыкнул Паскаль, возвращаясь к столу. Он снова сел

и принялся писать в энерглассе.

Стефан же стоял как вкопанный, хмурясь и обдумывая свое нынешнее положение. За его проступки смертная кара была вполне верным решением, Паскаль был прав, — такое назначали и за меньшее. Тунеядцы тут не нужны. Но восемь лет памяти...

— Сядь, — приказал Паскаль.

Стефан раздраженно плюхнулся обратно, с ненавистью опалая глазами Смотрителя.

— Ты будешь посещать все собрания, все поминальные церемонии. Будешь выполнять недельную норму по уничтожению сплитов и других темных тварей, если они появятся. Я буду за тобой следить все грядущие двенадцать месяцев.

— Иначе что?

— Иначе через год, как только Солнце войдет в созвездие Скорпиона и мое правление вновь начнется, я отправлю твою душу в Обливион.

Стефан ухмыльнулся. Такая себе угроза. Другому она показалась бы ужасной, но Паскаль не ведал всего. Восемь лет памяти пока что выглядели более устрашающими, за них Стеф немного волновался.

Он выдохнул, беря себя в руки, после лениво потянулся.

— Ладно, хватит швыряться в меня угрозами и притворяться моей мамочкой, чего ты от меня хочешь? За мои восемь лет. Что я должен сделать такого унижительного в ближайшие дни?

И тут в дверь забарабанили. Не дожидаясь ответа Смотрителя, в комнату влетела Ламия — Близнецы. Она чуть не споткнулась о ковер, но быстро оправилась, отбрасывая черные волосы.

— Паскаль... — задыхаясь, выдала она.

— Я занят.

— Ты не поверишь! — воскликнула Ламия. В голосе слышался подозрительный восторг.

Пока она излагала ситуацию с присущим ей воодушевлением к самым необычным делам, Стефан хмурился все больше. Паскаль не отставал от него.

— Где он сейчас? — после недолгих раздумий спросил Скорпион.

— Сара увела его в карцер. Я бы хотела...

— Хорошо, — резко перебил ее Паскаль, поднимаясь со своего места.

Половицы скрипнули под его сапогами. Скорпион остановился посреди комнаты, обдумывая произошедшее.

— Скажи, чтобы его привели на суд.

Ламия удивленно захлопала глазами.

— Суд? Но это неразумно! Ты не хочешь, чтобы его для начала обследовали в Манипуляционной? — Она нетерпеливо переминалась с ноги на ногу. — Пожалуйста! Это же такой шанс! Где еще ты видел...

— Нет! — внезапно рявкнул Скорпион. — Никаких обследований! Нам требуется как можно скорее разобраться с ним, а потом от него избавиться!

— Но это же протектор... — растерянно вымолвила Ламия, поправляя очки.

— Больше нет, — пророкотал Скорпион. — Суд состоится через полчаса.

— Но не все из Тринадцати смогут прийти так скоро, — подал голос Стефан, — многие на заданиях.

Иногда он забывал, что все его утверждения могли быть интереснее для дерева, чем для протекторов. Никто на Стефа и внимания не обратил. Ламия удалилась, а Паскаль несколько раз обошел комнату в напряженном молчании. Мыслями он был далеко отсюда, может, даже лично разбирался с несчастным узником.

— Хочешь его казнить? — спросил Стефан без особого интереса.

— С тобой я разберусь позже, — сердито ответил Паскаль, забирая энергласс и пряча его в рабочем поясе.

— И все-таки что с ним?

Паскаль, казалось, хотел сказать одно, но затем выдал:

— Ты его знаешь?

— Этого новенького? — Стеф фыркнул и пожал плечами. — Скажу так: в личном общении он бы понравился тебе меньше меня.

— Знаю, говорил с ним пару раз. Неприятный тип. Высокомерный.

— Мне он показался эгоистичным засранцем. Слышал, указов он не выполняет, делает в основном то, что сам считает верным. Но я не думал, что с ним произойдет *такое*.

Паскаль напрягся.

— Возможно, это знак свыше. Удастся забить паршивую овцу раньше, чем она начнет вносить разлад в коллектив.

Стефану его настрой не нравился, хоть и защищать новичка не было желания.

— Пошли. — Паскаль открыл дверь в коридор. — Пора выяснить, что за темную тварь нам приволокли на порог.